

**ИСТОРИЯ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ В ИЗЛОЖЕНИИ
ВОЛЬТЕРА: ВЗГЛЯД ПРОСВЕЩЕННОГО ЕВРОПЕЙЦА***

Сергей Мезин

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет,
Саратов, Россия

**THE HISTORY OF PRE-PETRINE RUSSIA
AS RECOUNTED BY VOLTAIRE: THE VIEW
OF AN ENLIGHTENED EUROPEAN****

Sergey Mezin

Saratov National Research State University,
Saratov, Russia

This article analyses Voltaire's evaluation of pre-Petrine Russia, its evolution, the sources of Voltaire's data on medieval Muscovy, and his Russian contemporaries' attitude to the historical work of the enlightener. The topic of Russia is touched upon in a number of Voltaire's works: *The History of Charles XII*, *Anecdotes of Peter the Great*, *Essay on the Customs and the Spirit of the Nations*, and *History of the Russian Empire under Peter the Great*. Peter I is always characterised as the "creator" of a new Russia. This idea, as well as European stereotypes of Muscovy, determined the author's attitude to pre-Petrine Rus'. Voltaire created a picture of a barbaric society characterised by superstitions, ignorance, despotism, the enslavement of its subjects, the dominance of Asian customs, and isolation. In *History of the Russian Empire under Peter the Great*, Voltaire softens his characterisation of pre-Petrine Rus'. It no longer looks to him like a country stuck in its barbarism.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006.

** Citation: Mezin, S. (2020). The History of Pre-Petrine Russia as Recounted by Voltaire: The View of an Enlightened European. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 807–822. DOI 10.15826/qr.2020.3.495.

Цитирование: Mezin S. The History of Pre-Petrine Russia as Recounted by Voltaire: The View of an Enlightened European // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 807–822. DOI 10.15826/qr.2020.3.495 / Мезин С. История допетровской Руси в изложении Вольтера: взгляд просвещенного европейца // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 807–822. DOI 10.15826/qr.2020.3.495.

Voltaire emphasises the desire of Peter's predecessors for transformation, as a result of which the picture of medieval Russia acquires a more realistic form. On becoming acquainted with the sources, the enlightener's observations indicate the formation of a new look at the process of civilization. The article's author singles out issues of medieval history of Russia considered by Voltaire in his works and the sources that formed the basis of the "Russian" works of the famous French writer, paying attention to the conclusions that ultimately not only confirmed Voltaire's new history of Russia, but also outlined novel ways to study world history.

Keywords: Voltaire; historiography; Muscovy; Ivan III; Ivan IV; Time of Troubles; Alexei Mikhailovich; civilization.

Анализируются данные Вольтером оценки допетровской России, их эволюция, источники сведений о средневековой Московии, отношение российских современников к историческим сочинениям просветителя. Русская тема представлена в нескольких исторических сочинениях Вольтера: «История Карла XII», «Анекдоты о царе Петре Великом», «Опыт о нравах и духе народов», «История Российской империи при Петре Великом». Петр I неизменно характеризовался в них как «творец» новой России. Эта идея, а также европейские стереотипы о Московии определяли отношение автора к допетровской Руси. Вольтер создавал картину варварского общества, для которого характерны суеверие, невежество, деспотизм власти и рабство подданных, господство азиатских обычаев, изоляция. В «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер смягчил характеристику допетровской Руси. Она уже не выглядела у него как закоряченая в своем варварстве страна. Вольтер отметил стремление предшественников Петра на троне к преобразованиям, в результате чего картина средневековой России приобрела более реалистические очертания. Знакомство с источниками приводило просветителя к наблюдениям, которые свидетельствуют о формировании нового взгляда на процесс цивилизации. В статье выявлены проблемы средневековой истории России, которые рассматривал в своих сочинениях Вольтер, выяснен круг источников, положенных в основу «русских» произведений знаменитого французского автора, обращено внимание на наблюдения, которые в конечном счете не только подтверждали вольтеровскую концепцию новой истории России, но и намечали новые пути в изучении всемирной истории.

Ключевые слова: Вольтер; историография; Московия; Иван III; Иван IV; Смутное время; Алексей Михайлович; цивилизация.

Русская тема представлена в нескольких исторических сочинениях Вольтера: «История Карла XII» («Histoire de Charles XII», 1730–1731), «Анекдоты о царе Петре Великом» («Anecdotes sur le czar Pierre le Grand», 1748), «Опыт о всеобщей истории» («Essais sur les moeurs et l'esprit des nations nations», 1756) и «История Российской империи при

Петре Великом» («Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759–1763). В русской истории просветителя интересовал в первую очередь Петр I, который неизменно характеризовался им как «творец» России: «он решил... создать новую нацию»¹, «один человек изменил строй самого большого государства на свете» [Voltaire, 1996, р. 184, 193]; «царь почувствовал, что он должен создать народ и империю», «он творил свой народ» [Voltaire, 1999, р. 53, 71]; «тридцать веков не могли бы сделать то, что сделал Петр» [Voltaire, 2015, р. 227]; «Россия всем обязана Петру Великому»; «Наконец родился Петр, и Россия образовалась» [Voltaire, 1999, р. 385, 510].

Формула «творения» России не была изобретением Вольтера. Уже в 1716 г. иностранцы называли Петра I творцом своего народа. К. Н. Зотов после аудиенции у маршала и вице-адмирала д'Эстре писал царю из Парижа: «при мне господин маршал назвал ваше величество *творцом российского народа*: что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего» [РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. № 27. Л. 96–96 об.]. Канцлер Г. И. Головкин при поднесении Петру I императорского титула (1721) говорил:

...токмо едиными вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, *из небытия в бытие произведены* и в общество политических народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно... [ПСЗ-1, с. 445].

Русские современники императора разделяли эту идею, которая приобрела законченный вид в похвальном слове царю Петру I Фонтенеля: «Все необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы создать новую нацию; и то, что неразрывно с творением: действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов» [цит. по: Мезин, 2017, с. 272].

Логическим следствием такого восприятия новой истории России было нигилистическое отношение иностранных авторов к допетровской России как к историческому «небытию», варварскому периоду, не заслуживающему особого внимания [Кошелева]. Желая возвеличить Петра, этого, по выражению Вольтера, российского Прометей, добывшего в Европе огонь цивилизации для России [Voltaire, 1999, р. 53], они не жалели черной краски для изображения допетровской Московии, повторяя стереотипные суждения иностранцев о России XVI–XVII вв. [Ермасов].

Формирование концепции российской истории

В «Истории Карла XII» автор писал о варварстве и невежестве русского народа:

¹ Здесь и далее цитаты из сочинений Вольтера даются в переводе автора статьи.

Русские были менее цивилизованны, чем мексиканцы при открытии последних Кортесом; рожденные все рабами господ, таких же варваров, как и сами, они закоснели в невежестве: им не были известны ни искусства, ни промышленность [Voltaire, 1996, p. 179].

Кроме «рабства», которое Вольтер вслед за Фонтенелем считал первостепенной причиной такого положения, он отмечал отрицательное влияние изоляции Московии от Европы, поддерживаемой законом, запрещавшим русским ездить за границу. Некоторые свидетельства «пучины невежества» выглядели под пером Вольтера анекдотично: летосчисление «от сотворения мира», начало нового года в сентябре, использование для счета «маленьких шариков, нанизанных на проволоку», и отсутствие арабских цифр. Считая христианство средством окультуривания народов, Вольтер отрицал такую роль за русским православием, отягощенным суевериями. Самое нелицеприятное высказывание просветителя о религиозных обычаях москвитов было опущено даже в полном переводе «Истории...» (1909):

Обычай исповеди соблюдался, но только в случае самых тяжелых преступлений; им казалось необходимым отпущение грехов, но не раскаяние. С благословением их попов они считали себя безгрешными перед Богом. Они переходили без угрызений совести от исповеди к воровству и к убийству; и то, что является тормозом для других христиан, было у них поощрением к беззаконию [Ibid., p. 181].

На страницах «Анекдотов о царе Петре Великом» Вольтер не давал развернутой характеристики допетровской России. Однако его отношение проявлялось вполне определенно: это была «варварская страна». В ней веками господствовал обычай и отсутствовало всякое стремление к усовершенствованию [Voltaire, 1999, p. 51–52]². И ничто в Московии не предвещало появление гения, изменившего свою страну, это была чистая случайность: «Меня больше всего удивляет то, что род человеческий имел мало надежды на появление в Москве такого человека, как царь Пётр» [Ibid., p. 84]. К тому же гений Петра был противоположен «духу его нации», а средства цивилизации были позаимствованы царем из Европы по совету Лефорта.

Негативизм Вольтера в «Опыте о нравах и духе народов»

В «Опыте о всеобщей истории», который в окончательном варианте получил название «Опыт о нравах и духе народов», сохранялся негативный тон в характеристике Московии и ее жителей. В этом новаторском опыте изложения всеобщей истории «московитские»

² Ср. с суждением И.-Г. Фоккеродта: «не обладают никакими другими знаниями и искусствами, да и не желают обладать ими, кроме таких только, которые имеют осязательное и непосредственное влияние в пользу» [Фоккеродт, с. 11].

сюжеты занимали периферийное место, вполне соответствующее представлениям Вольтера об удаленном географическом положении и скромной исторической роли этой страны Севера до конца XVII в., а также авторскому способу репрезентации исторического материала [Соломеин]. Тем не менее, здесь получили освещение некоторые факты истории допетровской Руси. В главе, посвященной Византийской империи, он упомянул набеги «русских» на берега «понта Эвксинского» в IX в. [Voltaire, 2009, p. 425]. Говоря о распространении христианства в Европе X–XI вв., Вольтер начинал повествование с Руси. Он, в сущности, правильно указывал, что её в это время следует называть не Московией, а «Киевией» (от названия главного города Киева), но в текст вкралась опечатка, породившая странное название Зиовия (Ziovie) [Власов]. Инициативу крещения Руси Вольтер приписывал византийской принцессе, ставшей женой князя Владимира. Автор обращал внимание, что тогда русские только «начали немного знакомиться с христианством», и в «века невежества» они заимствовали из греческого обряда лишь суеверия [Voltaire, 2010, p. 68–70]. В главе о завоеваниях Чингисхана мимоходом упоминалось, что монгольская армия «опустошила Россию» [Ibid., p. 420–421, 429].

Лишь характеризуя состояние Европы в первой половине XVI в., Вольтер специально уделил несколько страниц Московии при Иване III и Иване IV, когда Россия «обрела некоторую форму» [Voltaire, 2012, p. 217–225]. До этого она представляла собой страну «диких полухристиан, рабов казанских татар». Автор живописал унижения, которым подвергались русские князья, платившие дань татарам. Он указывал на крайне стесненное положение Московии между казанскими и крымскими татарами и Литвой. Лишь Иван Васильевич, «смелый человек», освободил русских от порабощения и «присоединил к своим владениям Новгород и Москву, которую он отвоевал у литовцев (sic!) в конце пятнадцатого века». Тут же Вольтер впервые давал краткое описание занятий, быта и нравов москвитов, отмечая, что страна изобиловала пшеницей, медом и скотом, однако здесь царствовала скудость, не существовало промышленности, в Москве не было «ни одного каменного дома». Русские «жили по-скотски» («vivaient en brute»), имея смутное представление о «греческой вере», а деревни к северу от Москвы населяли идолопоклонники. При царе Иване Васильевиче, завоевавшем Казань и Астрахань, в придворном обиходе появилась показная восточная роскошь; цари держали в своих руках всю торговлю с иностранцами, обрекая своих подданных на бедность. Вольтер также указал на открытие англичанином Р. Ченслером северного пути в Россию через Белое море и Северную Двину, что вместе с развитием торговли на Черном море с венецианцами составило одну из «революций в торговле» [Ibid., p. 224–225]. Также внимание автора привлекло открытие и завоевание «неким казакom» Сибири, о которой до этого русские якобы не имели представления. Первое описание Московии Вольтер завершал своей обычной

мыслью о том, что ничто тогда не предвещало, что Россия в будущем займет в Европе место могущественной морской империи.

К истории России Вольтер возвращался в главе «О России в XVI и XVII веках» [Voltaire, 2015, p. 215–227]. Исследователи обратили внимание на то, что в «Опыте о нравах» Вольтер чаще использовал название «Россия», чем «Московия» [Десне]. Последнее наименование, приобретшее негативный оттенок, не приветствовалось русскими. Объяснив в начале главы использование названия «Московия» недостаточными знаниями европейцев об этой стране, автор вновь кратко характеризовал обычаи и нравы допетровской Руси. Он ограничился лишь несколькими замечаниями о сходстве России и Польши в том, что в обеих странах существовало крепостное право, имело место избрание монархов, в армии отсутствовала настоящая воинская дисциплина, слабо использовалась артиллерия, а военные действия велись в виде набегов. «Обрабатывать свои поля, пасти свой стада и воевать – вот в чем состояла жизнь русских до времен Петра Великого», – подытоживал Вольтер [Voltaire, 2015, p. 217]. А далее следовал довольно подробный рассказ о событиях Смутного времени. Этот отход от культурной проблематики в сторону осуждаемого самим философом изложения событийно-политической истории, по-видимому, был оправдан необычностью описываемых событий, которые в конечном счете были обусловлены особенностями «нравов и духа» москвитов. Кроме того, Вольтера, вероятно, привлекала возможность живого и непринужденного изложения авантюрного сюжета.

Узурпация трона, ложные клятвы, заговоры, восстания, приключения Марины Мнишек – все это живо изображено французским автором, правда, не особенно задумывавшимся о точности передачи событий и имен. Всего он насчитал шесть самозванцев: первый Лжедмитрий, сумевший занять московский престол в 1605 г., но свергнутый боярином Шуйским, второй Лжедмитрий, которого никто не видел, но за него сражался восставший народ (подразумевалось восстание И. Болотникова, имени которого Вольтер не называл), третий Лжедмитрий, осаждавший Шуйского под Москвой и «убитый татарами» («тушинский вор». – С. М.), четвертый Лжедмитрий, объявившийся в Пскове («псковский вор» Сидорка. – С. М.), пятый – сын Марины Мнишек и, по ошибочному мнению Вольтера, Лжедмитрия I (царевич Иван, «воренок», сын «тушинского вора». – С. М.). К числу Лжедмитриев Вольтер относил Тимошку Анкудинова, выдававшего себя за никогда не существовавшего сына Василия Шуйского. Своеобразная «нумерация» Лжедмитриев у Вольтера совпадает с перечнем самозванцев в первом томе «Записок о царствовании Петра Великого» Ж. Руссе де Мисси (псевдоним – барон Иван Нестесураной) [Rousset de Missy, p. 215–315, 351–360]. Эта книга имелась в библиотеке Вольтера [Библиотека Вольтера, № 3047]. Излагая события Смуты, писатель нигде не выходил за пределы фактического материала, сообщаемого Руссе де Мисси. Вольтер лишь значительно сократил, упростил

и «оживил» его. Просветитель называл труд своего предшественника «литературным мошенничеством», но широко пользовался его сведениями. Выбор источника был оправдан тем, что обзор древнерусской истории, включенный в книгу Руссе де Мисси, отличался полнотой и отсутствием явных вымыслов [Мезин, 2014]. Изложение истории Смуты послужило Вольтеру основанием для вывода:

Все эти похожие на сказку авантюры, но притом весьма правдивые, вовсе не случаются у народов, приобщенных к культуре и обладающих регулярной формой правления [Voltaire, 2015, p. 226].

О событиях в России XVII в. после Смуты Вольтер писал кратко. По его словам, о царе Алексее Михайловиче известно лишь то, что он был отцом Петра Великого. Правда, в главе, посвященной Речи Посполитой, автор упомянул, что Алексей Михайлович отвоевал у поляков почти всю Украину с Киевом, но при этом сетовал на агрессивность России и сожалел, что украинские казаки утратили свою свободу [Ibid., p. 211]. В итоге картина допетровской России представлялась печальной: страна оставалась «похороненной над несчастным деспотизмом царя над боярами и бояр над земледельцами» [Ibid., p. 226]. Злоупотребления, на которые жалуются цивилизованные народы, полагал Вольтер, были бы для русских «божественными законами» [Ibid., p. 227].

Династия Романовых в «Истории Российской империи при Петре Великом»

В «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер, объясняя свой замысел, отказывался «распутывать клубок древнего хаоса» [Voltaire, 1999, p. 424]. Введенные по необходимости краткие главы, посвященные Московии, должны были лишь подчеркнуть величие и новизну дела Петра I. Верный своим новаторским представлениям о задачах истории, Вольтер сводил до минимума описание политических событий и деяний князей. Его интересовало то, что в XVIII в. стали обозначать новым словом «цивилизация» в его «антропологическом» значении: нравы, обычаи, религия, способ правления, просвещение, искусства [Люзебринк, с. 174].

«Обычаи, одежда, нравы в России всегда имели больше сходства с Азией, чем с христианской Европой», – утверждал Вольтер [Voltaire, 1999, p. 489]. С азиатскими народами русских роднили длиннополые одежды, которые, впрочем, были свойственны всем народам в древности. Восточное происхождение, по мнению Вольтера, имели обычаи взимать подати съестными припасами, содержать за счет казны иностранных послов, запрет появляться в церкви и перед царем с оружием. Стрельцы в России, «как янычары, иногда распоряжались тронем и столько же почти всегда беспокоили государство, сколь его защищали», что сближало русские политические порядки с турецкими [Ibid.,

р. 491]. Вольтер ошибочно полагал, что царский титул русские переняли от управителей Казанского царства в XVI в.: «Царь – это титул восточных монархов; возможно, он происходил более от персидских шахов, чем от римских цезарей» [Ibid., р. 494]. Несмотря на резонное возражение своих русских корреспондентов, что Иван принял царский титул до завоевания Казани, он не захотел отказаться от идеи, высказанной в «Опыте о нравах» [Voltaire, 2010, р. 70].

В «Истории...» Вольтер высказался в защиту некоторых древних русских обычаев [Voltaire, 1999, р. 489]. Он даже осудил европейский «смешной и варварский» обычай «идти разговаривать с Богом, с королями, с друзьями и женщинами с длинным опасным оружием, свисающим до пят», отметил благородный облик и соответствие климату длинных меховых одежд, но заметил, что эти одежды менее удобны «для войны и работы». Автор спорил с Олеарием, якобы утверждавшим, что царь Михаил Федорович сослал в Сибирь посла французского короля Генриха IV (ошибка произошла из-за неточности перевода текста Олеария на французский язык) [Ibid., р. 489–490, 406–407 (прим.)].

Он воздержался от прямого осуждения русского православия, но критически излагал историю церкви. Вольтер повторил высказанную им ранее мысль о роли женщин в крещении европейских народов [Ibid., р. 496; ср.: Voltaire, 2010, р. 69–70], однако ему пришлось уточнить, что на Руси эта роль выпала княгине Ольге. Последняя не сумела убедить своего сына Святослава, который остался язычником, но продолжателем оказался ее внук Владимир, рожденный от наложницы, убивший своего брата ради княжения и крестившийся ради союза с константинопольским императором. Вольтер ошибался в датировке этого события (у Вольтера – 987 г.), но не придавал этим «мелочам» большого значения. Вместе с христианством русские получили письменность, хотя могли бы, по его мнению, взять и нечто большее от греческой учености [Voltaire, 1999, р. 497–498].

От крещения Руси Вольтер сразу переходил к периоду патриаршества (конец XVI в.) [Ibid., р. 499]. Дальнейшая история русской церкви в его изложении – это борьба патриархов за власть, их соперничество с царями. Внешним проявлением властолюбия патриархов был обряд «шествия на осляти», когда пеший монарх вел под уздцы лошадь, на которой восседал патриарх [Флайер]. При царе Михаиле Федоровиче власть забрал в свои руки его отец патриарх Филарет: «этот старец был настоящим государем, правившим от имени своего сына» [Voltaire, 1999, р. 514]. Еще более опасными были притязания на власть патриарха Никона, который хотел поставить свой престол выше царского трона. Он не только присвоил себе право сидеть в Думе (Sénat) рядом с царем, но утверждал, что нельзя ни начинать войну, ни заключать мир без его согласия. «Его власть благодаря богатству и интригам находила поддержку у духовенства и народа и держала его государя в своеобразном подданстве» [Ibid.].

Едва ли не единственное достоинство русского православия, отмеченное Вольтером, состояло в том, что в России «религия не вызвала гражданских войн, хотя и произвела несколько волнений» [Ibid., p. 502]. Самой известной русской «сектой» историк называл «раскольников». Сведения Вольтера о старообрядцах не отличаются ни точностью, ни полнотой [Ibid., p. 502–504]. Он относил начало этого явления к XII в. (!), называл такие его особенности, как буквальное следование Священному Писанию, приверженность строго определенным обрядам (сугубая аллилуйя, троеперстное (sic!) благословение). Вместе с тем он отмечал строгий житейский порядок и суровые нравы в старообрядческом обществе, которому его противники напрасно приписывали различные «гнусности». На гонения раскольники отвечали самосожжениями, но Петр Великий, по словам Вольтера, принял в отношении их единственно правильное решение – «оставил их жить в покое».

Не только грубые азиатские обычаи мешали русским сравняться с просвещенными народами. Вольтер показывал, что московское государство было внутренне неустроенным и рыхлым, не имело флота, торговля была слабой, «сухопутные войска не ведали никакой дисциплины, самые простые мануфактуры едва теплились, и даже земледелие – первый двигатель всего – оставалось в небрежении» [Ibid., p. 509]. Культура допетровской России представлялась Вольтеру примитивной, так как «не имелось даже представления об изящных искусствах, которые становятся необходимыми в свою очередь, когда имеется все остальное» [Ibid.]. Выход из этого Вольтер видел в приобщении русских к европейской культуре, чему препятствовали различие языков, нравов, веры, запрет выезда за границу³. Вольтер подводил печальный итог, повторяя наблюдение Фонтенеля: «Они обладали самой большой в мире страной, но все здесь предстояло еще сделать» [Voltaire, 1999, p. 509–510].

В «Истории» Петра Великого Вольтер не мог не сказать о предках царя, посвятив им небольшую отдельную главу [Ibid., p. 511–527]. Историю России с X в. автор обозначил лишь несколькими штрихами: набеги русских на Константинополь, введение христианства, разделение страны между князьями, татарское нашествие и двухсотлетние порабощение России, наконец, ее освобождение и увеличение при Иване Васильевиче (непонятно каком). В географическом введении автор «Истории» упоминал еще завоевание Новгорода «царем Иваном Васильевичем» в 1447 (!) году, покорение Астрахани, «открытие» Сибири в 1563 г. и ее «завоевание» неназванным казаком в 1590 г.

Начиная со Смутного времени, автор давал более систематическое изложение событий. Смута представлена Вольтером как одно из тех потрясений, которые препятствуют прогрессу общества

³ Закон, запрещавший русским выезд за границу, на самом деле не существовал: право на выезд давала «проезжая грамота», за которой следовало обращаться к царю или воеводе [Российское законодательство X–XX веков, с. 92].

и культуры. Авантюры самозванцев привели государство к полному разорению, чем воспользовались поляки и шведы. Первые удержали за собой Смоленск, а вторые захватили единственный выход к Балтийскому морю, тем самым еще более отдалив Россию от Европы. Избрание на царство пятнадцатилетнего (на самом деле Михаилу Федоровичу было 17 лет. – С. М.) сына «архиепископа Ростовского Филарета и некой монахини» (sic!), по словам Вольтера, не сулило скорого прекращения мятежей. Тем не менее, Михаил Романов, заключив мир с соседями, «царствовал спокойно и не производил в своем государстве никаких изменений, которые бы портили или улучшали управление» [Voltaire, 1999, p. 517].

Царствование Алексея Михайловича также изображалось как время господства старинных обычаев. В описании Москвы Вольтер включил свидетельства А. Олеария, а также сведения, которые приписывались английскому послу графу Ч. Г. Карлейлю, посетившему Россию в 1663 г. [Ibid., p. 441–444]. Речь идет о скудной обстановке домов, отсутствии привычных для европейцев удобств, немощеных улицах, малом количестве ремесленников. Простоте быта горожан противопоставлялась роскошь царского двора. По замечанию Вольтера, предметы роскоши были иностранного производства. Хотя русские были способны «под надзором немцев и итальянцев» производить художественные изделия, эта работа не поощрялась и не была постоянной.

В деятельности Алексея Михайловича Вольтер заметил стремление к преобразованиям:

Именно он первым повелел составить кодекс законов, хотя и несовершенный. Он ввел ткацкие и шелковые мануфактуры, которые, правда, не удержались, но он имел честь их завести. Он заселил пустынные места по Волге и Каме семьями литовцев, поляков и татар, взятыми в плен во время войн. <...> Он ввел, насколько мог, дисциплину в свои войска, наконец, он был достоин быть отцом Петра Великого, но у него не было времени улучшать то, что он предпринял. Преждевременная смерть унесла его в возрасте сорока шести лет [Ibid., p. 522–523].

Вольтер настойчиво подчеркивал несовершенство и незавершенность новаций отца Петра Великого.

Стенька Разин, пожелавший стать «царем астраханским», поднял кровавый мятеж. Восстание было жестоко подавлено:

Примерно двенадцать тысяч его сторонников были повешены, как говорят, на большой астраханской дороге. Это та часть света, где люди, меньше всего руководствуясь моралью, подчинялись лишь наказаниям, и эти ужасные наказания порождали рабство и тайную жажду мести [Ibid., p. 520].

Вольтер отмечал успехи внешней политики Алексея Михайловича. Царь вел успешную войну с Польшей, не уступал натиску турок

и пытался наладить дипломатические связи с христианскими странами Европы.

Автор «Истории» увидел достоинства государственного деятеля и в старшем брате Петра Федоре, который, несмотря на молодость и болезненность, заботился о каменном строительстве в Москве, издавал разумные «регламенты» и пытался «реформировать бояр». «Впрочем, он не был достаточно образованным, активным и решительным, чтобы осмелиться совершить всеобщую перемену» [Ibid., p. 525]. Главное дело реформирования России, согласно Вольтеру, выпадало на долю Петра Великого.

Хотя общая оценка состояния общества, государства и культуры Московии оставалась у Вольтера негативной, автор «Истории» несколько смягчил характеристику допетровской Руси. Она уже не выглядела у него как закостеневшая в своем варварстве совершенно изолированная страна. Автор писал о культурном превосходстве русских над соседними народами Азии и утверждал, что все народы в разное время находились в сходном состоянии, наконец, он замечал, что в некоторых отношениях допетровская Россия мало отличалась от Польши и северной Германии. Вольтер отметил стремление предшественников Петра на троне к преобразованиям и даже констатировал, что «дух династии Романовых всегда состоял в просвещении государства» [Ibid., p. 524]. В итоге не столь вопиющим выглядел антиисторизм главной идеи Вольтера – идеи «творца новой нации», что не помешало автору дополнить фонтенелевскую формулу «творения» России собственным продолжением:

Русские явились поздно, и, вводя у себя вполне усовершенствованные искусства, они достигли больших успехов за пятьдесят лет, чем другая нация могла достичь сама по себе за пятьсот лет [Ibid., p. 480].

Источники Вольтера и книги о России в его библиотеке

Автор «Истории» Петра I прекрасно сознавал значение аутентичных источников из русских архивов. Однако Вольтер отнюдь не был кабинетным ученым, историком-эрудитом, готовым тщательно подбирать тексты и анализировать каждый факт. Он приступил к написанию первых глав до получения материалов из России, и для него было естественным воспользоваться сведениями о Московии, которые он ранее сообщал в «Опыте о нравах». Круг его источников был ограничен немногочисленными описаниями Московии, сделанными путешественниками XVII в., а также сочинениями о петровской России, содержащими характеристику Древней Руси⁴.

⁴ Источники сведений Вольтера выявлены с приведением параллельных цитат в комментариях Мишеля Мерво в оксфордском издании «Истории Российской империи» [Voltaire, 1999, p. 480–527 (прим.)].

Большинство использованных книг имелось в его библиотеке во французских переводах. Здесь был представлен классический труд Адама Олеария «Весьма любопытные и знаменитые путешествия, совершенные в Московию, Татарию и Персию господином Адамом Олеарием...» (Амстердам, 1772) с добавлением новых гравюр и карт [Библиотека Вольтера, № 2606]. Вольтер рассматривал эстампы, чтобы получить наглядное представление об одежде и обычаях москвитов. Он также цитировал «реляции» английского посольства графа Чарльза Говарда Карлейля, автором которых являлся участник посольства писатель Ги Мъеж [Там же, № 2452]. Не прошли мимо его внимания описания путешествий голландца Яна Стрюйса [Там же, № 3216] и француза Филиппа Авриля [Там же, № 236]. Особый интерес представляло для Вольтера «Любопытное и новое известие о Московии» Фуа де Ла Невилля [Там же, № 1372], побывавшего в Москве в 1689 г., давшего первую в европейской печатной россии характеристику молодого царя Петра. Оценки и описания состояния Московии содержались в известных сочинениях европейцев, побывавших в России в период петровских преобразований, – Джона Перри [Там же, № 2699], Фридриха Христиана Вебера [Там же, № 3833], Филиппа-Иоганна Страленберга [Там же, № 3215].

Вольтер обращался к справочным и общим изданиям, содержащим информацию об истории России⁵. В распоряжении историка была рукопись Иоганна Готтгильфа Фоккеродта, представляющая собой ответы на вольтеровские вопросы о России [Брюне, с. 42–49], в том числе на вопрос: «Действительно ли прежние русские были так дики и скотоваты, как расславляют о них?» Вольтер не мог не учесть мнение этого долго жившего в России немца о русском народе, наделенном природным умом, красноречием, рассудительностью и деловыми качествами не в меньшей степени, чем жители других европейских государств [Фоккеродт, с. 12–13].

Исследователи прошли мимо факта, что мысль о подготовленности реформ Петра его предшественниками – отцом и старшим братом – впервые отчетливо прозвучала в «Письме господина *** о современном состоянии Московии», приложенном к книге Адама Бранда о русском посольстве в Китай, вышедшей в Амстердаме в 1699 г. [Brand, p. 193–294]. Автором этого письма, вероятно, был амстердамский бургомистр и друг Петра I Николаас Витсен [Мезин, 2019]. При характеристике деятельности царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича впервые говорилось, что царь Федор назвал своим преемником Петра в обход царевича Ивана, считая того «слишком слабым, чтобы нести бремя управления столь великой империей» [Brand, p. 196–197]. Идентичное утверждение находится в «Истории»:

⁵ Многотомная «Церковная история» Клода Флери [Библиотека Вольтера, № 1350], «Большой исторический словарь» Луи Морери [Там же, № 2523], «Большой географический и критический словарь» Антуана Огюстена Брюзен де Ла Мартиньера [Там же, № 214], «Введение в европейскую историю» Самуила Пуфендорфа [Там же, № 2829], «Всеобщая география» Иоганна Гюбнера [Там же, № 1686] и др.

Незадолго до смерти Федор, видя, что его брат Иван, слишком обделенный природой, был не способен править, назвал наследником русского престола своего второго брата Петра, которому было только десять лет и который уже подавал большие надежды [Voltaire, 1999, p. 525–526].

Не исключено, что отмеченные идеи и факты Вольтер почерпнул при посредстве хорошо известных ему сочинений Джона Перри и Жана Руссе де Мисси, но возможно и прямое использование Вольтером «Письма» Витсена.

«История» Вольтера вызвала целый шквал критики со стороны русских академиков, в первую очередь Г.-Ф. Миллера и М. В. Ломоносова. Особенно придирчиво они указали на фактические ошибки в первых главах «Истории» [Шмурло, с. 121–124]. Миллер и Ломоносов не только исправили фактические ошибки Вольтера и прокомментировали их, но и оспорили большинство его оценочных суждений, хотя соглашались, что Петр вывел Россию из «небытия». Великий француз с пренебрежением относился к критике «меньшой братии». Вольтер «наивно» недоумевал в письме к И. И. Шувалову от 17 июля 1758 г.:

Олеарий, а потом граф Карлейль, посол в Москве, рассматривали Россию как страну, где почти все еще предстояло сделать. Их свидетельства заслуживают уважения; оспаривая их и уверяя, что Россия тогда уже знала все жизненные удобства, мы уменьшаем славу Петра I, которому мы обязаны почти всеми искусствами. В таком случае не было и самого творения [Voltaire, 1971, p. 89].

* * *

Вольтеровские тексты о допетровской России не относятся к числу его наиболее удачных и интересных исторических опытов. Они подчас оказывались жертвой априорного «философского» подхода автора к оценке исторической роли Петра I. В сущности, Вольтер создавал картину варварского общества, для которого характерны суеверие, невежество, деспотизм власти и рабство подданных, господство азиатских обычаев, изоляция [Wilberger, p. 65–79], хотя затем в «Истории Российской империи» он избегал слова «варварство», не желая обидеть своих русских заказчиков и корреспондентов. Картина допетровской России приобрела здесь более реалистические очертания.

Знакомство с источниками приводило Вольтера к наблюдениям, которые свидетельствуют о подспудном формировании нового взгляда на процесс цивилизации. Существенны его замечания, что все народы проходят сходные периоды в своей истории; мысль, что каждое достижение культуры должно вызревать много веков; размышление о том, что огромная территория и смешение разных народов затруд-

няют их цивилизацию; мнение о том, что недостаточно, чтобы бла-
гами цивилизации пользовались лишь отдельные вельможи, надо,
чтобы они проникали во все слои общества – лишь тогда нация будет
окончательно сформирована; наконец, заявление, что для подлинной
цивилизации России потребуются еще «целые века», – все это сви-
детельствует о работе исторической мысли Вольтера, в результате
которой он выходил за рамки своих антиисторических по сути идей
о «творении нового народа» и об успехах произведенного Петром I
переноса европейской культуры на русскую почву.

Список литературы

- Библиотека Вольтера : Каталог книг. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 1172 с.
- Брюне П.* Иоганн Готхильф Фоккеродт и его влияние на представления Вольтера и Фридриха Великого о России // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М. : Наука, 2000. С. 42–49.
- Власов С. В.* Вольтер о «Московии, или скорее Зиовии» // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. Т. 18. 2017. Вып. 2. С. 269–272.
- Десне Р.* Московия, Россия, москвиты, россияне и русские в текстах Вольтера // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М. : Наследие, 1999. С. 58–66.
- Ермасов Е. В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. С. 16–30.
- Кошелева О.* Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.
- Люзебринк Х.-Ю.* Цивилизация // Мир Просвещения : ист. словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша ; пер. с итал. Н. Ю. Плавинской под ред. С. Ю. Карпа. М. : Памятники ист. мысли, 2003. С. 173–181.
- Мезин С. А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве : материалы V Междунар. петровск. конгр. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб. : Европ. дом, 2014. С. 442–457.
- Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб. : Европ. дом, 2017. 320 с.
- Мезин С. А.* Письмо амстердамского друга // Петр I и Восток : материалы XI Междунар. петровск. конгр. 1–2 июня 2018 г. СПб. : Европ. дом, 2019. С. 411–421.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 6.
- РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. № 27.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юридич. лит., 1985. Т. 3. Акты земских соборов. 512 с.
- Соломешин А. Ю.* Русская история в «Опыте о нравах и духе народов» Вольтера // Вольтеровские чтения : сб. науч. тр. Вып. 4. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2017. С. 76–86.
- Флайер М. С.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси / сост. Дж. Маджеска ; пер. с англ. З. Н. Исидоровой. Самара : Самар. ун-т, 2001. С. 203–223.
- Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом / пер. А. Н. Шемякина // Ненстовый реформатор. М. : Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 11–104.
- Шмурло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага : Орбис, 1929. 486 с.
- [*Brand A.*] Relation du voyage de Mr Evert Isbrand. <...> Avec une lettre de Monsiur *** sur l'état present de la Moscovie. Amsterdam : Jean-Louis de Lorme, 1699. 250 p.
- [*Rousset de Missy J.*] Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie etc. par le B. Iwan Nestesuranoi. Amsterdam : Wetsteins & Smith, 1728. Т. 1. 550 p.

Voltaire. Correspondence and related documents / definitive ed. by T. Besterman // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 1971. Vol. 103. 451 p.

Voltaire. Correspondence and related documents / definitive ed. by T. Besterman // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 1972. Vol. 107. 498 p.

Voltaire. Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 1996. Vol. 4. 719 p.

Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 1999. Vol. 46–47. 1370 p.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 2009. Vol. 22. 547 p.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 2010. Vol. 23. 610 p.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 2012. Vol. 25. 512 p.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder // *Oeuvres complètes de Voltaire* : 198 vols. Oxford : Voltaire Foundation, 2015. Vol. 26. 386 p.

Wilberger C. H. Voltaire's Russia: Window on the East // *Studies on Voltaire and Eighteenth Century*. Vol. 164. Oxford : Voltaire Foundation, 1976. 287 p.

References

Biblioteka Vol'tera. Katalog knig [Voltaire's Library. Catalogue of Books]. (1961). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1172 p.

[Brand, A.] (1699). *Relation du voyage de Mr Evert Isbrand <...> Avec une lettre de Monsirur *** sur l'etat present de la Moscovie*. Amsterdam, Jean-Louis de Lorme. 250 p.

Brüne, P. (2000). Johann Gotthilf Vockerodt i ego vliyanie na predstavleniya Vol'tera i Fridrikha Velikogo o Rossii [Johann Gotthilf Vockerodt and His Influence on the Ideas of Voltaire and Frederick the Great about Russia]. In *Russkie i nemtsy v XVIII veke: vstrecha kul'tur*. Moscow, Nauka, pp. 42–49.

Desné, R. (1999). Moskoviya, Rossiya, moskovity, rossiyane i russkie v tekstakh Vol'tera [Muscovy, Russia, Muscovites, Peoples of Russia, and Russians in Voltaire's Texts]. In Mikhailov, A. D., Stroev, A. F. (Eds.). *Vol'ter i Rossiya*. Moscow, Nasledie, pp. 58–66.

Ermasov, E. V. (2004). Obraz "russkogo varvarstva" v sochineniyakh nemetskikh publitsistov XVI – pervoi poloviny XVIII v. [The Image of "Russian Barbarism" in the Works of German Journalists of the 16th – First Half of the 18th Centuries]. In *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii*. Moscow, Nauka, pp. 16–30.

Flier, M. S. (2001). Rasshifrovka koda. Obraz tsarya v obryade Verbnogo voskresen'ya v Moskovskom gosudarstve [Decoding the Code. The Image of the Tsar in the Rite of Palm Sunday in the Muscovite State]. In Majeska, J. (Ed.). *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi* / transl. by Z. N. Isidorova. Samara, Samarskii universitet, pp. 203–223.

Kosheleva, O. (2018). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Rossii predpetrovskogo vremeni: novye aspekty [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

Lüzebrink, H.-J. (2003). Tsivilizatsiya [Civilization]. In Ferrone, V., Roshe, D., Karp, S. Yu. (Eds.). *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar'* / transl. by N. Yu. Plavinskaya. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, pp. 173–181.

Mezin, S. A. (2014). Gollandskii publitsist Jean Rousset de Missy kak biograf Petra I [Dutch Journalist Jean Rousset de Missy as a Biographer of Peter I]. In *Rossiya – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropeiskom prostranstve. Materialy V Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. Sankt-Peterburg, 7–9 iyunya 2013 g. St Petersburg, Evropeiskii dom, pp. 442–457.

Mezin, S. A. (2017). *Petr I vo Frantsii* [Peter I in France]. St Petersburg, Evropeiskii dom. 320 p.

Mezin, S. A. (2019). Pis'mo amsterdamskogo druga [Letter from an Amsterdam Friend]. In *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. 1–2 iyunya 2018 g. St Petersburg, Evropeiskii dom, pp. 411–421.

PSZ [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 6. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Otd. 2. No. 27.

Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t. [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. 9 Vols.]. (1985). Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 3. Akty zemskikh soborov. 512 p. [Rousset de Missy, J.] (1728). *Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie etc. par le B. Iwan Nestesuranoi*. Amsterdam, Wetsteins & Smith. Vol. 1. 550 p.

Shmurlo, E. F. (1929). *Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom* [Voltaire and His Book about Peter the Great]. Praha, Orbis. 486 p.

Solomein, A. Yu. (2017). Russkaya istoriya v “Opyte o nravakh i dukhe narodov” Vol'tera [Russian History in Voltaire's *Essay on the Customs and the Spirit of the Nations*]. In *Vol'terovskie chteniya, Sbornik nauchnykh trudov*. Iss. 4. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, pp. 76–86.

Vlasov, S. V. (2017). Vol'ter o “Moskovii, ili skoree Ziovii” [Voltaire on “Muscovy, or rather Ziovie”]. In *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. Vol. 18. Iss. 2, pp. 269–272.

Vockerodt, J.-G. (2000). *Rossiya pri Petre Velikom* [Russia under Peter the Great]. In *Neistovyi reformator* / transl. by A. N. Shemyakin. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 11–104.

Voltaire. (1971). Correspondence and Related Documents / definitive ed. by T. Besterman. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 103. 451 p.

Voltaire. (1972). Correspondence and Related Documents / definitive ed. by T. Besterman. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 107. 498 p.

Voltaire. (1996). Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 4. 719 p.

Voltaire. (1999). Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 46–47. 1370 p.

Voltaire. (2009). Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 22. 547 p.

Voltaire. (2010). Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 23. 610 p.

Voltaire. (2012). Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 25. 512 p.

Voltaire. (2015). Essais sur les moeurs et l'esprit des nations / sous la direction de B. Bernard, J. Renwik, N. Cronk et J. Godder. In *Oeuvres complètes de Voltaire*. 198 Vols. Oxford, Voltaire Foundation. Vol. 26. 386 p.

Wilberger, C. H. (1976). Voltaire's Russia: Window on the East. In *Studies on Voltaire and Eighteenth Century*. Vol. 164. Oxford, Voltaire Foundation. 287 p.